

Мухамеджанова Н.М.

Оренбургский государственный университет

E-mail: nuriyam@yandex.ru

РОЛЬ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ФАКТОРА В ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ДИНАМИКЕ

В статье исследуется роль демографического фактора в цивилизационной динамике, анализируются различные подходы к объяснению демографических перемен в современном мире. Особое внимание уделяется миграции, качественным образом изменяющей структуру населения в современных западных странах. Выявляются возможные следствия демографических перемен и роста культурного разнообразия в европейской цивилизации.

Ключевые слова: цивилизационная динамика, демографические процессы, миграция, культурное разнообразие, культурная трансформация.

Динамика цивилизаций оказывается зависимой от множества факторов: природно-климатических, исторических, геополитических и т. д. Действие указанных факторов различно в различных цивилизациях и на разных этапах истории. В последних публикациях все больше внимания уделяется демографическим процессам как показателю динамики (восходящей или нисходящей) цивилизации. Как считают исследователи [см. 11], актуальность данной проблемы связана с механизмом смены субъекта исторического процесса. В случае быстрого демографического роста происходит изменение числа людей, принадлежащих другой культуре, и, как следствие, смена субъекта исторического процесса. Когда численность данного этноса превысит численность доминирующего, происходит смена социокультурных детерминант страны.

Подтверждением данного тезиса является ситуация в Косово, где албанцы, для которых была характерна высокая рождаемость, стали доминирующим этносом, что привело к изменению социокультурной ориентации региона. А.В. Дмитриев и С. Милиоевич отмечают, что до Второй мировой войны доля албанского и неалбанского населения в общей численности Косово и Метохии была приблизительно одинаковой. В послевоенный период здесь фиксируется значительное понижение смертности и высокий уровень рождаемости. Так, доля естественного прироста населения в Косово и Метохии Республики Сербия в 1950 году составляла 20,4%, а в 1983 году – уже 62,8% [3, с. 31], а в 1989 году – почти 90% совокупного прироста населения Сербии [10, с. 108].

Причиной столь высокого прироста населения в сравнении с другими областями Сербии был высокий уровень рождаемости у албанского

населения. Например, по результатам переписи 1953 года сербки имели в среднем 5,9, а албанки 6,3 ребенка на одну женщину. В дальнейшем фертильность сербских женщин существенно сокращается, а у албанских практически остается неизменной (сербки – 2,8; албанки – 6,2 ребенка) [10, с. 107]. Результатом такой диспропорции становится демографическая экспансия албанского населения, этническая гомогенизация (албанизация) населенных пунктов, вытеснение сербского населения в села и районы, а в конечном счете – полный захват сербской исторической государственной территории, геттоизация и сегрегация сербского населения [3, с. 36].

Поэтому количественный рост населения оценивается как признак восходящей динамики, а депопуляция – признак нисходящей динамики цивилизации. Согласно современным исследованиям, сегодня к цивилизациям с нисходящей динамикой демографического роста относятся западноевропейская, российская, японская цивилизации. С восходящей динамикой – исламская, индийская, латиноамериканская, конфуцианская.

Существуют *разные подходы* к объяснению демографических перемен в современном мире:

1. Этот подход, декларируемый П. Бьюкеном [1], можно назвать *идеологическим*. Корни демографического кризиса в США и европейских странах П. Бьюкеном видит в марксистском заговоре, который вот уже много десятилетий пронизывает эти страны. Потерпев поражение в распространении своих идей по всему миру, марксизм не сложил оружия, а создал новые стратегии революционной борьбы против европейской культуры. Суть этой стратегии – захват общественных институтов: СМИ, искусства, системы образования, с целью преобразования западной культуры. Идео-

логами неомарксистского движения стал в 30-е годы Антонио Грамши, затем Дьерд Лукач, основавший Франкфуртскую школу социальных исследований. Деятели этой школы: М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Э. Фромм, В. Райх и др. – приступили к тотальной критике западной цивилизации и насаждению новой культуры. Освобождение человека от любых обязательств; равенство всех религий, идеологий, рас и народов, легитимация маргинальных групп, сексуальных и социальных меньшинств, торжество феминизма – таковы черты этой новой культуры, «внутреннего врага» Америки, от которой она потерпела грандиозное поражение. Поэтому западная цивилизация обречена, и единственное, что еще может ее спасти, – это возрождение истинного протестантизма и традиционных ценностей культуры.

С точки зрения А. Столярова, позиция П. Бьюкенена – это «глубокий провинциализм, свойственный консервативному американскому мировоззрению. Привыкнув за последние сто лет к положению доминирующей державы мира, Соединенные Штаты Америки просто не в состоянии осознать тот простой факт, что существуют силы, намного превосходящие любые капиталы и технологии, что дело не в мифическом заговоре горстки марксистов против честных американцев, дело в законах истории, которые разворачиваются сейчас с неумолимой определенностью» [1, с. 420]. Именно эти законы являются объектом изучения во втором подходе.

2. *Экономический подход*, в рамках которого возникла теория демографического перехода. Данная теория трактует демографические переменные как одну из сторон модернизации – перехода от аграрного к индустриальному обществу, от общества с высокой смертностью населения к обществу с низкой смертностью населения. А.Г. Вишневецкий пишет: «...на протяжении тысячелетий высокая смертность была одним из краеугольных камней, на которых выстраивалось все здание культурных норм, религиозных и нравственных предписаний, регулировавших поведение людей в демографической сфере. ...При всем многообразии культурных форм и норм в этой области, все они покоились на общем основании. ...Брак должен был быть почти всеобщим и пожизненным, в женщине видели в первую очередь продолжательницу рода, большое число детей рассматривалось как безусловное благо, всякое вмешательство в процесс прокреации осуждалось и т. д. Если бы все эти нормы не охранялись куль-

турой и не соблюдались, в условиях высокой смертности человечество вымерло бы» [2, с. 64].

Так, Б.Н. Миронов [8, с. 160–163] пишет, что демографический менталитет русского крестьянства определялся прежде всего социально-экономическими факторами: невозможностью функционирования крестьянского хозяйства вне семейной сферы, отсутствием государственного страхового и пенсионного обеспечения, высокой смертностью, особенно младенческой. Так, в дореволюционной России у русских до 10 лет доживали 47% мальчиков и 50% девочек. Смертность младенцев на 1000 человек в 1896–1904 годах составляла 224 человека (при общей смертности 34,8) [8, с. 200]. Поэтому для крестьянства были характерны следующие представления о семье, браке, детях: брак рассматривался как важнейшее условие порядочности человека, его материального благополучия и общественного веса, безбрачие – как социальная аномалия. Рождение и воспитание детей было не только исполнением божественного долга, но и гарантией обеспеченной старости. Высокая смертность определяла высокий уровень рождаемости. Женщине приходилось рожать 8–10 раз и совмещать воспитание детей с тяжелыми сельскохозяйственными работами.

В дальнейшем в ходе модернизации происходит развитие медицины, повышение качества жизни населения, улучшение условий труда, развитие государственного страхового и пенсионного обеспечения, что ведет к снижению уровня смертности и рождаемости. Поэтому снижение рождаемости – закономерный процесс, которого не удалось избежать ни одному развитому обществу. Даже Японии, хотя государственные субсидии на воспитание ребенка здесь составляют 2400\$ ежегодно [1, с. 38].

На демографические процессы также оказывает серьезное влияние нуклеаризация семьи, занятость обоих родителей, передача функций воспитания школе, СМИ и т. д. Как подчеркивает Л. Туроу, современная экономическая система «просто не дает семьям жить по старинке – с отцом, приносящим большую часть дохода, и матерью, берущей на себя большую часть домашних забот. Семья среднего класса с одним кормильцем исчезла. Устройство семьи не определяется экономикой, но оно должно соответствовать социальным реалиям. Устройство традиционной семьи им не отвечает... Изменения внутри капиталистической системы во все большей степени делают семью и рынок несовместимыми» [9, с. 205–206].

Однако теория демографического перехода не может объяснить многих фактов, когда высокий уровень социально-экономического развития той или иной страны или территории не сопровождается снижением уровня рождаемости. Тогда в действие вступает третий подход.

3. Данный подход можно назвать *культурологическим*, поскольку он подчеркивает значимость культурных факторов в демографических изменениях. Не отрицая роли модернизационных процессов, сторонники данного подхода доказывают, что высокий уровень рождаемости сохраняется даже в экономически развитых странах и регионах, если их население сохраняет приверженность ценностям традиционной культуры. Так, штат Юта, основное население которого (более 70%) составляют мормоны, характеризуется высоким уровнем экономического развития, являясь одним из крупнейших в США центров машиностроения, авиакосмической, химической, нефтяной и полиграфической промышленности. И в то же время в Юте один из наиболее высоких в стране уровней рождаемости и наиболее низких уровней смертности. Исследователи объясняют это особенностями традиционной культуры мормонов, в которой исключительное значение придается семье: брак считается священным, а семья – созданной для вечности. К отличительным чертам данной культуры также относятся: активность и трудолюбие (другое название штата – штат-улей), воздержание от употребления чая, кофе, табака и спиртных напитков, огромное внимание, уделяемое образованию. Усердие мормонов в совершенствовании этих качеств исходит из их учения, которое гласит, что человек является «богом в зародыше» и конечная его цель – путем личного совершенствования двигаться вверх и постепенно «взрастать» в Небесное Царство.

Значимость культурных факторов подтверждает и ситуация в Косово, которое за послевоенные годы из отсталого аграрного региона превратилось в промышленно-аграрное общество, доля сельского населения сократилась с 1948 по 1981 год на 56,3%. Однако экономическое развитие не сопровождалось изменениями в демографической сфере. «Экономические показатели развития экономики Косово и Метохии... опровергают тезис о том, что основной причиной демографического взрыва является экономическая отсталость», – пишут по этому поводу А.В. Дмитриев и С. Милиоевич [3, с. 33].

Исследователи называют разные причины столь высокой рождаемости у албанского населения, но главным считают этнический фактор. «Обычное право (т. е. право, основанное на обычаях) в Косово и Метохии сохранилось и при социализме. Благоприятную среду для этого составляли родоплеменные общины, архаичное сознание, кровная месть в качестве регулятора отношений, рабское положение и купля-продажа женщин, замкнутость людей в пределах дома и племени, сакральное господство главы клана. В сложном положении оказались женщины, которые лишились элементарнейших прав». Женщина здесь не имеет права выбирать партнера, у нее нет имущества, которое позволило бы ей содержать детей. При разводе право растить, содержать и воспитывать ребенка, как правило, остается за мужчиной. Выйти замуж повторно женщина может только с разрешения бывшего мужа. Поскольку мужчин в Косово больше, чем женщин, каждая женщина имеет возможность вступления в брак (включая не регистрируемые браки, полигамию и т. д.). Среди албанок самый низкий процент женщин, не родивших ни разу: около 6% (бесплодие по генетическим причинам) [3, с. 32]. Таким образом, основным фактором демографического роста в данном случае оказывается не экономический, а культурный фактор.

На значимость культурного фактора указывает также демографическая ситуация в современных западных обществах, превратившихся в конце XX века в «общества потребления». Утвердившиеся в культуре западных стран постмодернистские тенденции: распространение ценностей индивидуализма и чувственного гедонизма, доминирование рациональных регуляторов поведения человека над нормативными, женская эмансипация и т. д. – также обуславливают снижение показателей брачности, рождаемости, увеличение числа разводов и неполных семей, распространение альтернативных форм брака, снижение ценностей семьи и материнства и т. д. Традиционная семья, где муж был добытчиком, а жена занималась детьми и домом, ныне канула в прошлое: «индустриальное общество вырвало из нее мужчину, ушедшего на фабрику или завод, а общество постиндустриальное вырвало женщину, дав ей достаточно хорошо оплачиваемую работу в офисе или фирме. Зарботки женщин в США существенно возросли, соответственно зарботки мужчин сильно упали. Женщина получила экономическую независи-

мость, и семья перестала быть для нее единственным способом самореализации. Все больше женщин Америки, как впрочем, и европейских женщин, предпочитают карьеру «радостям» материнства и семейного быта» [1, с. 416]. Девиз современной женщины – «Живи для себя и наслаждайся жизнью» [1, с. 380].

На демографическую ситуацию также оказывают влияние духовно-психологические факторы. Ухудшение нравственно-эмоционального состояния общества (безысходность, потеря смысла жизни, разрушение ценностей) приводит к росту числа самоубийств, убийств, нарастанию озлобленности и агрессии, что, в свою очередь, является показателем нисходящей динамики. На данное обстоятельство указывал еще М. Бубер, который считал внутреннее самоощущение человека показателем кризиса общества и культуры. Подтверждением этих выводов стала ситуация в странах – бывших республиках СССР, переживающих кризисные процессы во всех сферах жизни общества, в том числе и в сфере культуры.

Важнейшим фактором, определяющим современную демографическую ситуацию в мире, является также миграция населения, количественные показатели которой нарастают от года в год. Согласно отчету Международной организации по миграции, число международных мигрантов в 2010 году составило 214 млн человек, или 3,1% населения мира. Особенно активно идет приток мигрантов в благополучные страны Европы, США и др. Результатом активных миграционных процессов становится арабизация Франции, мексиканизация США, тюркизация Германии, или «колонизация наоборот». Так, доля лиц, родившихся за пределами страны, в населении ведущих стран ЕС – Германии, Великобритании, Франции, Голландии, Бельгии и Австрии – достигла 8–10% (максимальный показатель для Люксембурга – 34%) [4, с. 68].

Демографические перемены и рост культурного разнообразия в западных обществах может иметь далеко идущие последствия, а именно:

1. Утрата культурного единства страны. Современные миграционные массы столь внушительны, что их уже невозможно «переварить», как это можно было сделать с относительно малочисленными и разрозненными мигрантами до середины XX века. Само понятие «меньшинство» теряет смысл, поскольку иммигрантское население в мегаполисах Запады по своему количеству сопоставимо с местным населением, еще недавно

составлявшим однозначное «большинство». В Вашингтоне, например, «небелое» население составляло на середину 90-х годов 73,2%, в Детройте – 83,7%, а в Майами – 90,7%. Аналогичная ситуация сложилась в крупных канадских городах – Торонто, Ванкувере и Монреале, где от половины до двух третей жителей – небританского и нефранцузского происхождения [7, с. 48–50].

П. Бьюкенен в своей книге «Смерть Запада» пишет, что Америка, которая на протяжении веков была «плавильным тиглем», переплавляющим различные этнические субстраты в единую нацию, на наших глазах превращается в хаотическое скопление народов, не имеющих ничего общего – ни истории, ни фольклора, ни языка, ни культуры, ни веры, ни предков. «Плавильный тигель» превращается в «салатник». Утрачивается культурное единство страны, в которой миллионы людей чувствуют себя чужаками [1].

2. Культурная трансформация западных обществ. Как показал М. Вебер, главным фактором социокультурной динамики западной цивилизации стала протестантская этика с ее трудовой аскезой, ответственностью за результаты своего дела, законопослушанием. Однако сегодня многочисленные этнические группы не стремятся ассимилироваться в новую для них культуру и несут в нее свои ценности и установки. А значит, процессы иммиграции могут привести к культурно-цивилизационной трансформации самого Запада, превращению его в принципиально иное культурное образование с неопределенностью и непредсказуемостью перспектив. Опасность такой трансформации существует не только в США, Западной Европе, но и в России, где фиксируются серьезные диспропорции демографических показателей в различных регионах.

3. Усиление антидемократических, авторитарных тенденций в общественной жизни, так как ослабление интегрирующей силы культуры в современных западных обществах может быть в обозримом будущем компенсировано усилением государственной власти и жестким ограничением политического плюрализма. Многие исследователи, начиная с Дж.С. Милля, утверждают, что формирование демократических институтов в полиэтнической стране практически невозможно, поскольку демократические институты не могут эффективно функционировать в сегментированном обществе, состоящем из различных групп, выдвигающих свои претензии об-

ществу в целом. Кроме того, из 10 ведущих стран-доноров мигрантов в США нет ни одного государства, имевшего положительную демократическую традицию [4, с. 66].

4. Утверждению нового социального порядка может также способствовать усиление социальной напряженности и конфликтогенности в современных западных обществах. Реализация принципа мультикультурализма в различных сферах общественной жизни, особенно в правовой, означает, что общество предъявляет различные требования к своим гражданам и оценка их поведения основывается исключительно на требованиях культуры. Известны многочисленные факты, когда судебные решения по поводу правонарушений граждан – бывших иммигрантов выносились с учетом их культурной принадлежности [см. 5, с. 33]. Если в 60–70-е годы XX века этнические меньшинства ратовали за равные гражданские права с коренным населением Америки, то теперь они ратуют за специфические права, ссылаясь на свои культурные традиции. А значит, принцип мультикультурализма разрушает главное достижение западных государств – равенство всех граждан перед законом, ведет к усилению конфликтов на культурной почве, легитимации маргинальных групп и усилению их влияния на общественное сознание.

5. Современный миграционный бум ведет к росту преступности в западных странах, поскольку иммигранты, как правило, составляют далеко не самую социально адаптированную, благополучную и успешную часть населения тех стран, откуда они прибывают. Так, в 1996 году Служба миграции зафиксировала в качестве новых граждан США 1045000 иммигрантов, причем какое-то время спустя обнаружилось, что 80000 из них имеют судимости, а 6300 человек разыскивались полицией [1, с. 192–193]. И в то же время именно этнические меньшинства являются главным объектом социальной поддержки государства как наименее обеспеченные группы общества. В условиях современного экономического кризиса подобное перераспределение финансовых средств становится причиной недовольства коренного населения западных обществ. Как свидетельствует В.Л. Иноземцев, иммигранты, составляющие сегодня 9,5% жителей США, используют почти вдвое больше социальных пособий, чем коренные американцы, будучи ответственны за четверть всех преступлений, совершаемых на территории страны [4, с. 67].

6. Проблемы, создаваемые растущей иммиграцией, порождают недовольство государственной миграционной политикой, националистические и шовинистические настроения среди местного населения. Не случайно сегодня подавляющее большинство коренного населения США все чаще выступает за ограничение иммиграционных квот и даже закрытие границ. Наиболее острой проблемой для Европы сегодня становится распространение ислама: мусульманское население только во Франции, Германии и Великобритании превышает 10 млн человек, а количество мечетей и молельных домов выросло в Германии с 3 в 1969 году до 1,5 тысяч в середине 90-х [4, с. 68].

7. Поскольку параллельно с депопуляцией западных стран высокими темпами идет рост населения индийской, китайской, исламской и латиноамериканской цивилизаций, это может существенно изменить соотношение сил на мировой арене и в конечном счете привести к смене лидера мирового развития. По данным П. Бьюкенена, если в 1960 году люди европейского происхождения составляли четверть мирового населения; в 2000 году – уже одну шестую; к 2050 году они будут составлять всего лишь одну десятую [1, с. 25]. Сто миллионов европейцев исчезнут с лица земли, а оставшиеся превратятся в «исчезающий вид».

8. Демографический рост в незападных цивилизациях увеличивает антропогенную нагрузку на среду, создает проблемы с ресурсным обеспечением населения, что может вести к усилению агрессии, внутренним и международным конфликтам, локальным войнам, то есть к усилению напряженности во всем мире и «столкновению цивилизаций». Как считают А.В. Коротаяев и Ю.В. Зинькина [см. 6], именно диспропорции в демографических процессах стали решающим фактором египетской революции 2011 года. Ведь, по данным мировой статистики, страна в последние годы развивалась очень успешно. Экономика, даже в кризисные годы, росла хорошими темпами. Уровни бедности, неравенства, безработицы были одними из самых благополучных в третьем мире. Однако именно успехи в модернизации Египта, достигнутые Мубараком и его предшественниками, сильнее всего ударили по правящему режиму. Результатом экономического роста, повышения уровня жизни людей, развития медицины стало резкое снижение смертности населения, прежде всего детской и младенческой. В то же время рождае-

мость оставалась по-прежнему на очень высоком уровне. Все это привело к резкому ускорению темпов демографического роста, результатом которого стало то, что поколение детей оказалось значительно многочисленнее поколения родителей. Своего максимума абсолютные темпы роста численности египетского населения достигли в 1985–1980 годах. К 2011 году дети, родившиеся в данный отрезок времени, достигли возраста 21–25 лет. Именно эта молодежь составила социальную базу египетской революции. За последние 15 лет численность молодежи выросла почти в 2 раза, но растущая экономика не смогла обеспечить ее рабочими места-

ми, необходимыми для трудоустройства. Причем более 43% из них имели высшее образование. Как считают ученые, именно наличие огромной массы неустроенной высокообразованной молодежи в сочетании с другими факторами создало взрывную ситуацию в стране.

Таким образом, демографические процессы в современном мире становятся решающим фактором развития и взаимодействия цивилизаций, соотношения сил на мировой арене, определяя в конечном счете судьбу всего мира. Именно этим объясняется то внимание, которое уделяется демографической политике в современных государствах.

16.04.2012

Список литературы:

1. Бьюкенен, П.Дж. Смерть Запада / П.Дж. Бьюкенен. – М.: АСТ; СПб: Terra Fantastica, 2003. – 444 с.
2. Вишневский, А.Г. Цивилизация, культура и демография / А.Г. Вишневский // *Общественные науки и современность*. – 2011. – №2. – С. 57–76.
3. Дмитриев А.В., Милиоевич С. Демографическая агрессия: косовский прецедент и ситуация в России / А.В. Дмитриев, С. Милиоевич // *Историческая психология и социология истории*. – 2010. – №2. – С. 28–48.
4. Иноземцев, В.Л. Иммиграция: новая проблема нового столетия (Историко-социологический очерк) / В.Л. Иноземцев // *Социологические исследования*. – 2003. – №4. – С. 64–72.
5. Иноземцев, В.Л. Иммиграция: новая проблема нового столетия. Методологические аспекты / В.Л. Иноземцев // *Социологические исследования*. – 2003. – №6. – С. 29–38.
6. Коротаев А.В., Зинькина Ю.В. Египетская революция 2011 года: социодемографический анализ / А.В. Коротаев, Ю.В. Зинькина // *Историческая психология и социология истории*. – 2011. – №2. – С. 5–29.
7. Малахов, В. Зачем России мультикультурализм? // *Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ* / Под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. – М., 2002. – С. 41–50.
8. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода Империи (XVIII – начало XX века): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. / Б.Н. Миронов. – СПб: Дмитрий Буланин, 2000. – Т. 1. – 548 с.
9. Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – 640 с.
10. Рашевич, М. Демографический фактор и косовский кризис / М. Рашевич // *Социологические исследования*. – 2010. – №2. – С. 75–82.
11. Сергеева, О.А. Особенности современных цивилизационных процессов / О.А. Сергеева. – М.: МАТИ – РГТУ им. К.Э. Циолковского, 2002. – 267 с.

Сведения об авторе:

Мухамеджанова Нурия Мансуровна, заведующий кафедрой культурологии
Оренбургского государственного университета, доктор культурологии, доцент
460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 2210, тел. (3532) 372574, e-mail: nuriyam@yandex.ru

UDC 008**Muhamedzhanova N.M.**

Orenburg state university, e-mail: nuriyam@yandex.ru

ROLE OF DEMOGRAPHIC FACTORS IN CIVILIZATIONAL DYNAMICS

The article examines the role of demographic factors in the dynamics of civilization, various approaches to the explanation of demographic changes in the world. Particular attention is paid to migration, qualitative changes of the structure of the population in modern Western countries. The possible consequences of demographic change and growth of cultural diversity in European civilization are given.

Key words: civilization dynamics, demographics, migration, cultural diversity, cultural transformation.